

— первая среди лучших —

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой
Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори «Всегда»
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!

Шекспир мне друг,
но истина дороже
Вселенский заговор
Вечное свидание
Ждите неожиданного
Селфи с судьбой
Земное притяжение
Призрак Канта
Звезды и Лисы
Девчонки, я приехал!

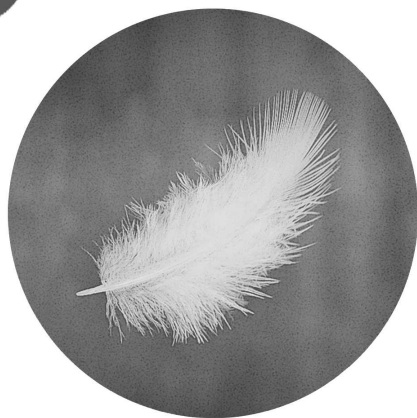
Сериал «Сценарии судьбы Тонечки Морозовой»

Серьга Артемиды
Пояс Ориона
Камея из Ватикана

Сериал «Писательница Маня Поливанова»

С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Судьба по книге перемен
Роковой подарок

ТАТЬЯНА
Устинова

Ангел пролетел

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Н. Каитыкиной*

В оформлении обложки использованы фотографии:
© Champ008, mycteria, Galushko Sergey / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 Ангел пролетел / Татьяна Устинова. — Москва :
Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-197211-

Все знают, что незримые силы охраняют каждого. Ангелы-хранители оберегают от всего плохого, что может случиться. И ведут навстречу хорошему... В сборник, который вы держите в руках, вошли рассказ Татьяны Устиновой «Ангел пролетел» и роман «Персональный ангел». Ангелы всегда рядом, а может быть, ангелы среди нас...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-197211-0

© Устинова Т. В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Ангел пролетел

Рассказ

В ординаторской нарядили елочку, искусственную и немного кособокую, залежавшуюся с прошлого года в коробке. Глеб, взгромоздившись на шаткий пластмассовый стул, прицепил накопчик, грузно спрыгнул, и некоторое время все любовались необыкновенной красотой. За окном густо и бесшумно валил снег, главврач Шумаков прихлебывал кофе и вздыхал, а больше никаких звуков не было слышно. Даже лифт не гудел.

На елке вздрогнул и прозвенел колокольчик.

— Ангел пролетел, — тихонько сказала Маша, и все как будто украдкой оглянулись по сторонам, не увидят ли пролетевшего ангела. Только Шумаков не оглянулся, продолжал пить свой кофе и разгадывать кроссворд.

Ему было наплевать на всех ангелов в мире, такая уж у него была натура. Не романтическая.

А примерно в два часа дня в палате интенсивной терапии умер пациент. «Примерно» потому, что, когда дежурный врач заглянул в палату, медсестры на месте не было и больной уже не дышал какое-то время.

Поднялась некоторая паника, впрочем, не слишком активная — пациент был уже стар, и на благо-

получный послеоперационный исход никто особенно не надеялся.

Прибежал «сам Шумаков», который и делал операцию, и расстроился — операция была проделана блестяще, он очень старался и, когда все удалось, как-то поверил в то, что и дальше все будет хорошо.

А больной взял и умер.

— Да что вы так расстроились? — то ли удивилась, то ли посочувствовала операционная сестра Нонна Васильевна, сворачивая провода и отцепляя датчики. — Он уж свое пожил, а вы все равно молодцом, Дмитрий Антонович!

Вот это самое «все равно молодцом» окончательно вывело Шумакова из себя.

Он саданул дверь, послал к такой-то матери санитарку, которой не повезло попасться ему по дороге, засел в ординаторской и закурил, чего никогда себе не позволял.

В дверь заглядывали, но зайти никто не решался.

Он выкурил три сигареты, методично бросая бычки в чью-то кружку с остывшим чаем, — они всплывали и, коричневые от чая, болтались на поверхности. В раздражении схватил трубку непрерывно звонившего телефона и грохнул ее на стол рядом с аппаратом, швырнул на кушетку оставленный кем-то из дам в кресле пуховый платочек, от которого несло табаком и сладкими духами, и зарычал, когда дверь снова приоткрылась.

— Дмитрий Антонович...

— Вам чего?

— Там... пришли. К этому... к покойному. Вы... выйдете, или сказать, чтобы обождали?..

Шумаков посопел носом, и медсестрица — от злости и тоски он позабыл ее имя — поглубже спряталась за дверь.

— Почему меня так раздражает слово «платочек»? — мрачно осведомился он.

Медсестрица в дверях сморщилась, понимая, что сейчас произойдет нечто страшное и предотвратить или остановить это никак нельзя, словно надвигающийся поезд. И переспросила жалобно:

— Что?.. Какое слово?

Напрасно она переспросила!

Впрочем, даже если бы не переспросила, изменить все равно ничего было бы нельзя.

— А такое слово! — заорал Шумаков, будто только и ждал этой возможности. — Вот такое вот слово, черт бы вас взял!.. «Платочек», мать вашу!.. Разбросали, как... как в будуаре! Это что?! Больница или бордель?!

— Я не знаю, — пропищала медсестрица и заплакала за дверью, — я не знаю, что вы такое говорите, Дмитрий Антонович...

— А вот об этом я говорю! — Он вскочил, двинул стол и опрокинул стул. Платочек валялся на кушетке, он сдернул его, скомкал и швырнул, но почему-то не в медсестрицу, а в сторону окна. — Развели тут, черт возьми, всякие дортуары, а что больные мрут, нам плевать, да? Куда дежурная сестра из реанимации подевалась? Елочку пошла наряжать?

— Да не знаю я! — провыла медсестрица. Она утирала щеки и украдкой посматривала в коридор, не идет ли кто на помощь. Никто не шел, все знали, что главному нужно «выпустить пар».

Главный очень трепетно относился к своим больным. Он пришел в коммерческую медицину из Института Склифосовского и сильно отличался от закормленных молодых врачей, которые точно знали, что работа — это просто работа. Вот зарплата, вот премия, вот выходные с праздниками, а вот материал, с которым надо работать. Ну и какая разница, что материал этот — люди? Люди тоже материал!..

— Сестры на месте нет, по кушеткам у нас платочки валяются, а родственникам о смерти я должен сообщать, да?

— Дмитрий Антонович...

— Да идите вы!.. Срочно ко мне дежурного врача и эту дуру, которая из реанимации ушла! А родственникам скажите, чтобы ждали меня!

— Может, Глеб Евгеньевич скажет...

Медсестрица работала не первый день и, несмотря на свое безутешное горе из-за несправедливости главного, интересы свои все-таки соблюдала.

Главный поорет, успокоится, но запомнит, что она о нем в трудную минуту заботу проявила, предложила Глеба на амбразуру послать!..

— Не надо ничего, и идите вы отсюда уже!..

Платочек валялся на полу, отравлял ему жизнь.

Он знал: вскоре ему станет очень стыдно, что он так орал, просто нестерпимо стыдно, и придется как-то извиняться перед медсестрицей, имени которой он так и не вспомнил, и уговаривать совесть, и унимать гадливость по отношению к себе самому.

Он снова закурил, свирепо косясь на платочек, потом встал, поднял его и швырнул на кушетку.

Ему казалось, что руки у него тоже воняют сладкими духами.

Узнал бы чей, убил бы!..

При мысли о смерти его опять всего перекосило, он двинул кресло, задел ножку стола, стол дрогнул, на нем закачалась искусственная елочка в горшке, украшенная тем, что он мысленно называл фунтиками — крохотными, затянутыми в фольгу коробочками как бы для подарков. Шумаков замер. Елочка покачалась-покачалась, повалилась и задела кружку, в которую он швырял окурки. Перехватить ее он не успел. Кружка медленно, как бы нехотя, наклонилась, Шумакову даже показалось, что на миг замерла в таком положении — он зажмурился — и с грохотом упала.

— ...!

Чай, смешанный с окурками, выплеснулся на стол, залил истории болезней, журнал и клавиатуру компьютера.

Шумаков кинулся спасать истории. Спас, сорвал с крючка полотенце и стал судорожно промокать воду. Собрал в горстку окурки и ногой нащупал под столом педальку мусорки с откидной крышкой.

Он кинул окурки, мельком глянул внутрь, и крышка захлопнулась.

Что-то там, внутри мусорного ведра, показалось Шумакову подозрительным, и он снова нащупал ногой педальку. Крышка послушно поднялась, как будто пасть распахнулась.

Три мокрых скрюченных окурка лежали сверху на полупустом медицинском пакете. Обыкновен-

ный пакет, в котором бывают препараты для капельниц, — прозрачный полиэтилен, черные буквы.

Главврач Шумаков сдвинул прямые темные брови, от чего сделался похож на филина, подумал секунду, нагнулся и вытащил пакет. Окурки один за другим тихо попадали в мусорку.

Шумаков изучил пакет и даже вытер его ладонью.

Именно этот пакет с физраствором поставили больному, который умер примерно в два часа. Он знал это совершенно точно, потому что буквы внизу были как будто чуть-чуть смазаны, словно печатная медицинская машина пошла немного вкривь. Он его и принес дежурному врачу, и тогда же заметил смазанные буквы.

Что-то не так. Что-то явно не так.

Шумаков еще раз посмотрел на буквы, сунул пакет в карман и вышел из ординаторской. Небольшая компания, стоявшая в конце коридора — две сестрички и три молодых коммерческих дарования, — завидев его, засуетилась и, как мираж, растворилась в коридорной тишине и сиянии люминесцентных ламп. Никому не хотелось встречаться с главным.

В отдалении хлопнула дверь за последним из рассосавшихся.

Боком Шумаков ощущал некое холодное движение, словно в кармане что-то переливалось. Там переливался медицинский пакет, наполовину наполненный жидкостью.

Хотел бы он знать, *что именно* поставили больному вместо безобидного физраствора!

Он распахнул дверь в оперблок и заглянул по

очереди в одну и во вторую операционную. В первой никого не было, а во второй кто-то пел чудесную песню.

— Маленькой елочке, — пел кто-то в операционной, — холодно зимой. Из лесу елочку взяли мы домой...

Новый год не просто подступал все ближе и ближе, он обложил со всех сторон людей, учреждения, кафешки, троллейбусы, автобусные остановки и дома. Кругом были поразвешаны лампочки, веночки и гирляндочки, расставлены елочки и фигуры в шубах. Шумаков думал про фигуры, что это Снегурка со Снегурком.

Он не любил Рождество, и Новый год тоже не любил.

— Нонна Васильна! — позвал он, и его голос эхом отозвался в кафельном пространстве оперблока. — Вы где?

Куплеты про маленькую елочку смолкли, и из двери во вторую операционную выглянула санитарка Люся.

— А!.. Дмитрий Антонович! Вам чего?

— Мне чего? — поразился Шумаков.

— В смысле... вам чего... угодно?

Люся была санитаркой «старой закалки».

В старину санитарок специальным образом закаляли так, чтобы они ненавидели всех больных, врачей, медсестер и свою работу. Для того чтобы закрепить это ценное для санитарок состояние, им мало платили, а работу поручали тяжелую и неблагодарную. С тех самых пор так и повелось — раз санитарка, значит, «старой закалки».

Люся на самом деле была добрейшей души

женщина, очень исполнительная и трудолюбивая. Шумаков ее ценил, даже специально выписал из Склифа, когда ударился в «капиталистическое производство», то есть в коммерческую медицину. Люся долго сомневалась, уходить или оставаться, но с уходом Шумакова на прежнем месте работы стало совсем худо, и она решилась. Зарплата на новом месте у нее выходила раз в пять больше, а работы было раз в тридцать меньше. Да премии, да вежливое окружение, да еще чистенькие, богатенькие больные и их душевные родственники! И никаких ножевых и пулевых ранений, и никаких топоров в спине, и никакой рвоты и кровищи на сверкающем полу, но Люся все же иногда вздыхала и печалилась — из Института Склифосовского, где все занято спасением человечества, почти никто и никогда не уходил в коммерческую медицину.

Шумаков тоже временами вздыхал и печалился, но по секрету от Люси.

— Так чего вам угодно-то, Дмитрий Антонович?

— Где Нонна Васильевна?

— Да кто ж ее знает?

Он передразнил:

— Кто знает?

Люся удивилась:

— Так я не знаю. Я тут... прибираюсь маленько.

Шумаков зашел. Умерший его пациент был накрыт с головой белой простыней.

«А что, Дмитрий Антонович, — спрашивал он перед операцией и потирал сухие старческие руки — бодрился, — сыграем мы с вами в шахматишки после наркоза или уже тогда у вас на меня времени не останется?»

Никакой капельницы рядом с трупом не было. То есть вообще никакой.

Шумаков стиснул кулак. Зря он вспомнил про «шахматишки».

— Люся, ты капельницу убрала уже?

Санитарка разогнула спину и подперла рукой бок. Вид у нее стал задумчивый.

— Капельницу-то? Так не видала я при ем капельницы. Не знаю, где она. А ведь должна быть-то, а, Дмитрий Антонович?

То, что капельница должна быть, Шумаков и сам знал, без Люси.

Они оба оглянулись. Шумаков налево, а Люся, опершись на швабру, так что щеку стянуло в сторону и вверх, направо.

Капельницы не было.

Сердце у него похолодело. Он, врач, знавший о человеческой анатомии все, физически ощутил, что с левой стороны стало значительно холоднее, чем с правой.

— Кто мог капельницу убрать?

— Да кто же знает, Дмитрий Антонович! Нонночка, может, или Глеб Евгеньевич, или Марья Петровна, или Сергей, а может, и Виктор Васильевич...

Вряд ли кто-то из врачей или сестер унес капельницу с собой в кармане, быстро подумал Шумаков. Ох, вряд ли.

Следовало что-то сделать, а что именно, он решительно не знал.

О таких вещах он читал в детективах или видел в кино, когда по вечерам мирно засыпал под какой-нибудь сериальчик.

Мало того что рядом с больным никого не было, так еще и капельница пропала! И медицинский пакет с физраствором он нашел в мусорном ведре в ординаторской.

Час от часу не легче.

Всей своей железобетонной докторской сущностью Шумаков сопротивлялся мысли, что пациента могли... могли...

Он даже додумать до конца никак не мог.

Он сунул руку в карман хирургической робы, нащупал там пакет с жидкостью и заставил себя додумать.

Его пациента не могли убить. Это ерунда какая-то.

Или могли, и это не ерунда?..

— Чтой-то вы говорите, Дмитрий Антонович?

Он задумчиво посмотрел на санитарку и вышел.

Милицию вызывать? ФСБ, ЦРУ, ОГПУ, МВД и Центризбирком?

Он вышел неправильно. Ему нужно было во внутренний коридор, а он попал в центральный, где на полу, как и положено коммерческому и процветающему учреждению, лежали ковровые дорожки, стояли дивной красоты фикусы и горели яркие лампы. На диване из кожзаменителя сидела молодая дамочка, стискивая на коленях крохотную красную сумочку, а рядом с ней высился незамысловатый молодой человек в пальто до полу.

Шумаков выскочил прямо на них и замер. Они тоже воззрились на него.

Отступить было некуда.

В кармане трепыхнулся медицинский пакетик.

На елке, стоявшей в углу, звякнул колокольчик. Ангел пролетел, подумал Шумаков. Кажется, так говорят, когда колокольчик звякает.

— Доктор, здравствуйте, — энергично начал молодой человек, вынимая руки из карманов и несколько театрально касаясь дамочкиного плеча. — Ну, как наши дела?

Шумаков постоял в отдалении, а потом пошел к ним. Он шел мимо поста, и Галя, которая дежурила сегодня, даже голову от бумаг не подняла.

Они не могут, подумал Шумаков про весь мир. Они не могут, только я один могу!

Он шел прямо на них и не знал, что будет делать, когда дойдет.

Сколько раз это было. Сколько раз он говорил себе, что больше ни за что и никогда. Сколько раз все начиналось сначала.

Он подошел и остановился.

— Что наш дорогой Петр Елизарович? Мы можем рассчитывать, что Новый год будем встречать всей семьей?

Дамочка посмотрела Шумакову в лицо и спросила совершенно спокойно:

— Дед умер?

Шумаков кивнул.

— Сегодня?

Он опять кивнул.

— Около двух, — не спросила, а констатировала она. — Я поняла.

Молодой человек зажал в зубах какой-то очередной бодрый вопрос и уставился на дамочку.

— Катя, — пробормотал он, так и не прожевав как следует вопрос, — что ты... что такое? А вы?!

Что вы такое говорите?! Утром нам сказали, что все в порядке!

— А в два часа он умер, — жестко, жестче, чем нужно, сказал Шумаков и глянул на Катю.

Что именно она поняла? И как?

— Наш дорогой... он не мог... да я на вас в суд... да нам по телефону...

— Замолчи, — приказала Катя. Она вдруг сделалась очень бледна и потянула с шеи шарф, как будто он душил ее.

— Да как вы можете!.. Да это же внучка! Вы не знаете, с кем связались!..

— Замолчи, — повторила Катя строго. — Мы... я могу... пойти к нему?

— Ты не должна, — моментально отозвался молодой человек. — Это же больница, а не... зал прощаний!

Потому, что ее спутник верещал так активно, и еще потому, что Катя была все так же бледна и он чувствовал ее нервозность так, словно попал в электрическое поле, Шумаков решил:

— Да. Можете. Я проведу вас. Только придется раздеться и обуть бахилы.

— Благодарю вас, — светским тоном изрекла Катя, как будто он пригласил ее на мазурку.

— А вы кто? — вдруг спросил у нее Шумаков. — Можно узнать для начала?

— Вы что? Вы отдаете себе отчет, с кем говорите?!

— Меня зовут Екатерина, я внучка Петра Елизаровича. Вы разговаривали с моей мамой, Ириной Петровной.

— Да, — согласился Шумаков. — Ирину Петровну я помню.

Молодой человек фыркал безостановочно. Фыркал и закатывал глаза.

Шумаков понимал, почему он фыркает и закатывает.

Екатерина Рождествина была наимоднейшей телевизионной ведущей, ее мать Ирина — наимоднейшим дизайнером, а покойный дедушка — писателем, хоть и не самым модным, но получившим однажды Нобелевскую премию по литературе.

Он, хирург Шумаков, угробил нобелевского лауреата. Только и всего.

Он приказал принести бахилы и смотрел, как телевизионная звезда натягивает их на туфли. Она была в туфлях — среди зимы! Туфли были не очень чистыми — видно, вышла из машины и попала в снег. Зато лакированные башмаки молодого человека сверкали.

За это сверкание Шумаков возненавидел его еще больше.

«Звезда» отдала Гале, вынырнувшей из своего закутка, пальто и сумочку и пошла за Шумаковым, очень старательно глядя прямо перед собой.

Они прошли через несколько дверей, повернули и оказались в оперблоке.

— Подожди здесь, — приказала Катя своему спутнику, когда Шумаков открыл дверь. — Не ходи за мной.

Он начал было возмущаться, но, как показалось главврачу, с облегчением остался в коридоре.

Шумаков пропустил ее вперед, подвел к каталке и вышел в другую дверь — не было никакого

смысла торчать рядом с ней, и неловко ему было, и маетно, и совесть его мучила!..

Она вышла довольно скоро — минут через семь, он только прикурил вторую сигарету. Он курил в коридорное окно, вздыхал и мучился.

— Дайте мне сигарету.

— У меня только «Честер».

Она наконец на него взглянула, и он вдруг понял, какое у нее горе. Самое настоящее горе.

— Мы все знали, что рано или поздно это случится, — сказала она негромко и выдохнула дым в окно. — Но все равно надеялись, что дед будет жить вечно. И как это он так нас подвел! И что? Сердце?

— Сердце, — согласился Шумаков, ненавидя себя. — И возраст.

Она согласно кивнула. Она же не знала, что в смерти ее деда виноват именно он, Шумаков!

— А... вы его любили?

— Он меня вырастил, — ответила она просто. — А почему вы спрашиваете?

— А этот... урод в коридоре, он кто? Ваш муж?

Ему даже в голову не пришло, что так спрашивать неприлично. Что «урод» и впрямь может оказаться мужем, да еще горячо любимым, да еще чудесным во всех отношениях человеком!

Врачи бестактны и циничны — кажется, именно так принято думать?

Катя Рождествина усмехнулась.

— Он мой жених, — пояснила она. — Очень перспективный во всех отношениях.

— Оно и видно, — пробормотал Шумаков.

Она больше ничего не сказала. В молчании они докурили, и Шумаков закрыл окно.